

Институт по история към БАН
Форум «България – Русия»

Институт истории БАН
Форум «Болгария – Россия»

МЕЖДУНАРОДНА
НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЯ

**БЪЛГАРИЯ И РУСИЯ
МЕЖДУ ПРИЗНАТЕЛНОСТТА
И ПРАГМАТИЗМА**

ДОКЛАДИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**БОЛГАРИЯ И РОССИЯ
МЕЖДУ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ
И ПРАГМАТИЗМОМ**

ДОКЛАДЫ

София, март 2008

Тази книга е част от Програмата на
Националния комитет за честване на
130-ата годишнина
от Освобождението на България
от турско робство и
Годината на България в Русия

под патронажа на
Президента на Република България
г-н Георги Първанов

и се издава с подкрепата на

Форум „България – Русия“

© 2009 акад. Георги Марков, отговорен редактор

© 2009 ст.н.с. I ст. д.и.н. Витка Тошкова, ст.н.с. II ст. д-р Илияна Марчева, съставители

© 2009 д.ик.н. Димитър Иванов, редактор

© 2009 Форум «България – Русия»

ISBN 978-954-92392-1-8

Съдържание

ОБРЪЩЕНИЕ НА ПРЕЗИДЕНТА НА РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ ГЕОРГИ ПЪРВАНОВ	9
---	---

ПРИВЕТСТВИЯ:

АКАД. ГЕННАДИЙ ЛИТАВРИН	11
АКАД. КОНСТАНТИН КОСЕВ	12
ПРОФ. КОНСТАНТИН НИКИФОРОВ	13
АКАД. ГЕОРГИ МАРКОВ	15

РАЖДАНЕТО НА СЪВРЕМЕННАТА БЪЛГАРСКА ДЪРЖАВА И РУСИЯ (1878-1934)

Дмитрий Полывянный

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ КНЯЖЕСТВА БОЛГАРИИ (1879-1886)	19
--	----

Виктория Хевролина

РОССИЯ И ВОССОЗДАНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА	30
--	----

Ирина Макарова

МИФЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: „БОЛГАРСКАЯ ДИНАСТИЯ“ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	38
---	----

ТАМАРА Стоилова

ДЪЛГИЯТ ПЪТ НА РУСИЯ КЪМ БАЛКАНИТЕ (ОТ ВРЕМЕТО НА ПЕТЪР I ДО 60-ТЕ ГОДИНИ НА XIX ВЕК)	44
--	----

АНДРЕЙ Пантев

ЕВРОПА В НАВЕЧЕРИЕТО НА БЪЛГАРСКОТО ОСВОБОЖДЕНИЕ	55
--	----

Марина Фролова

„ВЕРНУТЬ БЫЛОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ“ - РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЬСТВА В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	69
--	----

Румен Генов

РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА ОТ 1877-78 Г. ПРЕЗ ПОГЛЕДА НА БРИТАНСКИ И АМЕРИКАНСКИ ЖУРНАЛИСТИ И НАБЛЮДАТЕЛИ	78
--	----

Рита Гришина

РОССИЯ - САН-СТЕФАНО - БОЛГАРИЯ	89
---------------------------------------	----

Илия Тодев

ГРАФ ИГНАТИЕВ И РАЖДАНЕТО НА СЪВРЕМЕННА БЪЛГАРИЯ	96
--	----

Ольга Дубовик

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ О РЕШЕНИЯХ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА	102
---	-----

Илия Стефанов

ЮЛИЯ ВРЕВСКА - РОЗАТА НА РУСИЯ, ОТКЪСНАТА ЗА БЪЛГАРИЯ!	117
--	-----

Сергей Муртузалиев

ДАГЕСТАНЦЫ В ВОЕННОЙ БОРЬБЕ ДЕРЖАВ В БАЛКАНО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ
(К 130-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ) 123

Виктор Косик

ОСВОБОЖДЕНИЕ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, ОСВОБОЖДЕНИЕ... 131

Цветана Павловска

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДЪР II - ЦАРЯТ ОСВОБОДИТЕЛ 139

Людмила Горина

ПРОФЕСОР МАРИН ДРИНОВ НА МИНИСТЕРСКОМ ПОСТУ 151

Максим Анисимов, Ирина Рыбаченко

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ... 158

Пенка Чернева

ЗНАЦИ НА БЛАГОДАРНОСТ И ПОЧИТ КЪМ ОСВОБОДИТЕЛИТЕ 169

Ели Попова

РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА (1877-1878)
И ЗАКЪСНЯЛОТО ОСВОБОЖДЕНИЕ НА СРЕДНИТЕ РОДОПИ 181

Ирена Василева

СЛЕДОСВОБОЖДЕНСКОТО УСТРОЙСТВО НА ВРАЦА И РОЛЯТА НА ВРЕМЕННОТО
РУСКО УПРАВЛЕНИЕ ЗА ПОЛАГАНЕ ОСНОВИТЕ НА ГРАЖДАНСКОТО УПРАВЛЕНИЕ В ГРАДА 190

Юлия Денчева

ЛЕКАРИ ОТ ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ РЕГИОН, ВЪЗПИТАНИЦИ НА РУСКАТА МЕДИЦИНСКА ШКОЛА
И УЧАСТИЕТО ИМ В ЗАКОНОДАТЕЛСТВОТО НА НОВА БЪЛГАРИЯ 199

Дмитрий Лабаури

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАКЕДОНСКИХ БОЛГАР ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 90 ГГ. XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. 207

ТОДОРИЧКА Готовска-Хенце

НЕОСЛАВИЗМЪТ, БЪЛГАРИТЕ И РУСКАТА ПОЛИТИКА (1908-1912) 217

Светлозар Елдаров

РУСКАТА КНИЖОВНА ИЗЛОЖБА, СЛАВЯНСКАТА КНИГА И НЕОСЛАВЯНСКАТА ИДЕЯ
В СОФИЯ ПРЕЗ 1910 Г. 232

Эгнара Вартанян

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ АГРАРНОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ БОЛГАРИИ
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ (1878 - НАЧАЛО XX В.) 243

Ольга Исаева

МАКЕДОНИЯ В ПРОЕКТАХ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1908-1913): ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛИТИЕ .. 251

Николай Стоименов

СВОЕНРАВНА БЪЛГАРИЯ ПРЕЗ ПРИЗМАТА НА ИМПЕРСКИТЕ ИНТЕРЕСИ.
РУСКИТЕ ФАВОРИТИ - СЪРБИЯ И РУМЪНИЯ 263

Григорий Шкундин БОЛГАРИЯ В РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ПОЛИТИКЕ ВЕСНОЙ 1916 Г.	280
Илияна Илиева БЪЛГАРИЯ И РУСИЯ НА ДОБРУДЖАНСКИЯ ФРОНТ (1916-1917)	292
Цветана Кьосева ПРИЕМАНЕТО НА РУСКИТЕ БЕЖАНЦИ В БЪЛГАРИЯ (1920-1923) ПРАГМАТИЗЪМ И ЕМОЦИИ	302
Тихомир Тонков БОРБАТА ПРОТИВ ВРАНГЕЛИСТИТЕ ВЪВ ВЕЛИКОТЪРНОВСКО (1921 - 1923)	314
Ганка Рупчева РУСКИТЕ ВЕТЕРАНИ ОТ ОСВОБОДИТЕЛНАТА РУСКО-ТУРСКА ВОЙНА (1877-1878) - ЕМИГРАНТИ В БЪЛГАРИЯ ПРЕЗ 20-ТЕ - 40-ТЕ ГОДИНИ НА ХХ ВЕК	323
Александър Гребенаров ВМРО И СССР - СБЛИЖЕНИЕ С ПРЕДИЗВЕСТЕН КРАЙ (1923-1924)	346
Мария Желева СЪВЕТСКОТО ВЛИЯНИЕ В БЪЛГАРИЯ (1923-1925) (ОТ ГЛЕДНА ТОЧКА НА ФРЕНСКИТЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИ ИНТЕРЕСИ)	359
Йордан Баев ГЕОРГИ АНДРЕЙЧИН И СЪВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕЗ ПЪРВАТА ПОЛОВИНА НА ХХ ВЕК	368

БЪЛГАРИЯ И СЪВЕТСКА РУСИЯ/СССР В СИСТЕМАТА НА МЕЖДУНАРОДНИТЕ ОТНОШЕНИЯ. ВЪЗЛОВИТЕ СЪБИТИЯ НА ХХ ВЕК И ОБЩЕСТВЕННОТО МНЕНИЕ В БЪЛГАРИЯ И РУСИЯ

Елена Рудая БОЛГАРИЯ И СССР ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1934 ГОДУ (1934-1939)	383
Елена Валева „БОЛГАРСКАЯ КАРТА“ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ МОСКВЫ И БЕРЛИНА (1939 - 1941 ГГ.)	389
Татяна Бушуева ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР И БОЛГАРИИ (1930-1940) (ПО МАЛОИЗВЕСТНЫМ ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)	401
Володя Милачков НАЦИОНАЛНООСВОБОДИТЕЛНОТО ДВИЖЕНИЕ НА БЪЛГАРИТЕ ОТ ДОБРУДЖА В ПОЛЕЗРЕНИЕТО НА КОМИНТЕРНА (1919-1940)	411
Людмил Спасов СТАЛИН, БЪЛГАРИЯ И ВОЙНАТА (СЕПТЕМВРИ 1939 - ЮНИ 1941)	421

Иво Жейнов, Веселина Антонова НЕИЗВЕСТНИ МОМЕНТИ ОТ УЧАСТИЕТО НА БЕЛОЕМИГРАНТИТЕ ВЪВ ВТОРАТА СВЕТОВНА ВОЙНА (ПО МАТЕРИАЛИ ЗА РУСЕ)	443
Николай Поппетров „БОЛШЕВИШКА РУСИЯ“ - РЕКАПИТУЛАЦИЯ НА ПРЕДСТАВИТЕ (1918 - 1944)	459
Евгения Русинова РУСКАТА И СЪВЕТСКАТА ХУДОЖЕСТВЕНА ЛИТЕРАТУРА В БЪЛГАРСКИЯ ХОРИЗОНТ НА ВЪЗПРИЯТИЕ МЕЖДУ ДВЕТЕ СВЕТОВНИ ВОЙНИ	471
Нина Васильева СССР И „СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ“ В БАЛКАНСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТРАДИЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ (ПО ОПЫТУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)	486
Станислав Главчев НА ГРАНИЦАТА НА ДВЕ ЕПОХИ. БЪЛГАРО-СЪВЕТСКИТЕ ДРУЖЕСТВА (1934 - 1948)	497
Татяна Волокитина БОЛГАРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА (1944-1945 ГГ.)	507
Живко Лефтеров ОРГАНИТЕ ЗА ДЪРЖАВЕН КОНТРОЛ НА ВЕРОИЗПОВЕДАНИЯТА В НРБ И СССР	517
Стоян Германов МАКЕДОНИЯ В БАЛКАНСКИТЕ И МЕЖДУНАРОДНИТЕ ОТНОШЕНИЯ (1919-1948)	533
Румяна Богданова ЛОШАТА СЛАВА НА НАЙ-ВЕРНИЯ САТЕЛИТ. БЪЛГАРО-СЪВЕТСКИ ПОЛИТИЧЕСКИ ОТНОШЕНИЯ СЛЕД ВТОРАТА СВЕТОВНА ВОЙНА	548
Светлозар Недев БЪЛГАРСКАТА АРМИЯ ПОД СЪВЕТСКО КОМАНДВАНЕ	576
Сашка Миланова БИПОЛЯРНИЯТ МИТ ЗА СВОБОДАТА НА ИНФОРМАЦИЯТА В КРАЯ НА 40-ТЕ ГОДИНИ НА XX ВЕК	587
Витка Тошкова БЪЛГАРИЯ В „ПСИХОЛОГИЧЕСКАТА ВОЙНА“ МЕЖДУ СССР И САЩ СЛЕД 1945 Г.	600
Николай Бугай БОЛГАРЫ В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (1940-Е ГГ. - НАЧАЛО XXI ВЕКА)	610
Румяна Тодорова БЪЛГАРСКИТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИ ПРЕДСТАВИТЕЛСТВА В ГДР, ПОЛША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ И СЪБИТИЯТА В БЕРЛИН (ЮНИ 1953), ПОЗНАН (ЮНИ 1956) И „ПРАЖКАТА ПРОЛЕТ“ 1968	625

Ани Златева

„ЗАБАВЕНАТА“ ИЛИ „ЗАБРАВЕНА“ КУЛТУРНА КОНВЕНЦИЯ. ПЪРВАТА ОФИЦИАЛНА СПОГОДБА
ЗА КУЛТУРНО СЪТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ НРБ И СССР (28.IV.1956) 633

Господинка Никова

„РЕФОРМИТЕ“ В СИВ ПРЕЗ 60-ТЕ ГОДИНИ НА ХХ ВЕК И БЪЛГАРИЯ 646

Лъчезар Стоянов

„КАТО ЕДИН ОРГАНИЗЪМ, КОЙТО СЕ ОРОСЯВА ОТ ЕДИННА КРЪВОНОСНА СИСТЕМА“
(ЗА ЮЛСКИЯ ПЛЕНУМ НА ЦК НА БКП ОТ 1973 Г.) 659

Владимир Мигев

БЪЛГАРСКАТА ХУДОЖЕСТВЕНОТВОРЧЕСКА ИНТЕЛИГЕНЦИЯ
ПО ВРЕМЕ НА ПОЛСКАТА КРИЗА (1980-1983) 669

Наталия Христова

ПРОМЕНИ В БЪЛГАРСКИЯ КУЛТУРЕН ЖИВОТ И МЕНТАЛНИТЕ НАГЛАСИ
НА УПРАВЛЯВАЩИ И ХУДОЖЕСТВЕН ЕЛИТ (1987-1989) 678

Зоя Карцева

„НА ПЕРЕПУТЬЕ“. БОЛГАРСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕ 1989 Г. 689

Илияна Марчева

ЗА СУБЕКТИВНИЯ ФАКТОР В СЪВЕТСКО-БЪЛГАРСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ
ПО ВРЕМЕ НА „ПЕРЕСТРОЙКАТА“ (1985 - 1989) 699

Дарина Григорова

„РУСИЯ ИЗВЪН РУСИЯ“ - В ТЪРСЕНЕ НА НАЦИОНАЛНАТА ИДЕНТИЧНОСТ
СЛЕД 1917 И СЛЕД 1991 712

Искра Баева

БЪЛГАРИЯ И СЪВЕТСКИЯ СЪЮЗ/РУСКАТА ФЕДЕРАЦИЯ
ПРЕД ПРЕДИЗВИКАТЕЛСТВАТА НА НОВИЯ СВЕТОВЕН РЕД СЛЕД 1989 Г. 722

Константин Никифоров

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 733

Стефан Анчев

РУСИЯ, ЗАПАДНИТЕ „МИРОТВОРЦИ“ И АГРЕСИЯТА СРЕЩУ ЮГОСЛАВИЯ 743

Петя Димитрова

РУСИЯ И ПОСТ-ЮГОСЛАВИЯ: МЕЖДУ „СЛАВЯНСКАТА СОЛИДАРНОСТ“ И ПРАГМАТИЗМА
(90-ТЕ ГОДИНИ НА ХХ ВЕК) 752

Луиза Ревякина

РУСИЯ И БЪЛГАРИЯ (1991 - 2007) 765

Нина Дюлгерова

ЮЖЕН КАВКАЗ В ПЕРИОД НА ПРАВНИ ТРАНСФОРМАЦИИ
(В НАЧАЛОТО И В КРАЯ НА ХХ ВЕК) 777

СПИСЪК НА УЧАСТНИЦИТЕ В КОНФЕРЕНЦИЯТА: 785

ДМИТРИЙ ЛАБАУРИ

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАКЕДОНСКИХ БОЛГАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90 ГГ. XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Задача исследования образа России в представлениях болгар, как и факторов его формирования и эволюции, имеет большое значение, поскольку тесно связана не только с историей русско-болгарских связей, но и с проблемой формирования у болгарского народа национальной программы и идеологии и поиском им своей идентичности. В данном докладе автор, не претендуя на масштабную реконструкцию ментальных структур македонских болгар, сосредоточил внимание лишь на некоторых основных моментах эволюции в восприятии ими России, которые были объективно связаны с изменениями российской политики на Балканах в конце XIX - начале XX вв.

Созданная Берлинским урегулированием 1878 г. новая система международных отношений в Юго-Восточной Европе поставила российскую дипломатию перед сложным испытанием. Пытаясь закрепить свое влияние в Софии, Белграде и Афинах, она в то же время вынуждена была резко пресекать их посягательства на территориальную целостность Турции, в пределах которой еще оставалось болгарское, сербское и греческое население, и последовательно выступать за сохранение балканского status quo. Данная позиция объяснялась как неготовностью России к активному участию в судьбе Европейской Турции в силу отсутствия у нее необходимого экономического и военно-политического потенциала, так и отвлечением ее внимания на Дальний Восток. В Петербурге в конце XIX - начале XX вв. всерьез полагали, что наибольшую выгоду в случае раздела Османской империи могли извлечь лишь традиционные противники России на Балканах Австро-Венгрия и Англия: первая - оккупировать всю западную часть Балканского полуострова до Салоник, а вторая - закрепиться в проливах Босфор и Дарданеллы, что привело бы к окончательному закрытию России в Черном море. В связи с этим Петербург, пытаясь, по словам министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовцева, поставить Балканы под „стеклянный колпак“, по крайней мере, на время активизации своей дальневосточной политики, был не заинтересован в дальнейшем ослаблении Турции, которую он рассматривал в качестве „стража проливов“.

Россия, отказавшись, таким образом, от традиционной для себя роли покровительницы национально-освободительных движений по-

рабощенных турками народов, неуклонно теряла влияние на Балканах, в том числе и в болгарских землях, где переход от мифологизированного к политизированному мышлению, а, следовательно, и разочарование в мессианской роли России, произошли несколько позже, чем в соседних землях греков, румын и сербов. Отечественная исследовательница И. Ф. Макарова по этому поводу справедливо замечала, что, если XIX век был веком кульминации прорусских установок в болгарском обществе (доказательством чему были настроения периода 1876-1878 гг.), то он одновременно стал и веком их неизбежной эрозии, вызванной конкретной практикой межгосударственных отношений России и Болгарии¹. Официальный Петербург, как и часть русской общественности, оказался неготовым к восприятию освобожденной им Болгарии в качестве особого национального организма, стремящегося выйти из-под чужой опеки для реализации, прежде всего, своих собственных национальных интересов, связанных с укреплением государственности и завершением национального объединения. Политика „официальной России“, по выражению крупного болгарского государственного деятеля первой половины XX в. Александра Цанкова, „вносила раздвоение в душу болгарского народа“². Иными словами, в общественном сознании болгар в конце XIX в. формировалось два противоположных образа России. С одной стороны она продолжала восприниматься как единоверная и этнически близкая страна, сыгравшая решающую роль в освобождении Болгарии от турецкого ига. С другой же стороны получила развитие нашедшая место еще в трудах болгарских революционеров эпохи Возрождения тенденция изображения „официальной России“ в качестве деспотического государства, являющегося врагом всякого прогресса и свободы.

Глубину разочарования в политике „официальной России“, коснувшегося как общественности в Болгарском княжестве, так и болгаро-македонской интеллигенции, прекрасно характеризуют слова военного руководителя ВМОРО Гоце Делчева в апреле 1903 г. В беседе со своими подчиненными на тему международного положения накануне Ильинденского восстания он призвал избавиться от наивной веры в освободительную миссию Россию и смотреть на нее лишь как на одну из империалистических держав, преследующих на Ближнем Востоке свои корыстные интересы. Делчев, в частности, ставил на одну доску английскую и русскую политику на Балканах: „Не из соображений гуманности англичане помогли населению в Греции освободиться от турецкой тирании, и не человеколюбие царской России способствовало освобождению населения в Болгарии. Как в первом, так и во втором случае освобождение соответствовало грубым интересам этих держав, искусно завуалированным красивыми фразами о гуманности и человеколюбии. Скрытым намерением России было создание из освобожденной Болгарии „Задунайской губернии“ для выхода к Эгейскому морю“³. Первый биограф Делчева и его соратник Пейо Яворов пошел еще дальше, обвинив Россию в том, что „так называемой освободительной войной“, затеянной ею для осуществления своих „завоевательных стремлений по отношению к турецкому наследию“, она нарушила естественный эволюционный ход развития болгарского национального движения, рано или поздно приведшего бы к достижению единого политического

самоуправления для всех болгарских земель, и таким образом явилась главной виновницей разделения Болгарии на три части⁴.

Едва ли можно было предположить о существовании подобных представлений в предшествующий период, особенно в Македонии, где симпатии к России оставались традиционно сильными даже в условиях официального разрыва дипломатических отношений между Болгарией и Россией.

Подобное ухудшение имиджа России на рубеже XIX-XX вв. объяснялось в Болгарии, прежде всего, деятельностью русской дипломатии. Причем не столько в Восточно-Румелийском кризисе 1885 г., который, вопреки противодействию России, все же завершился успешно для болгар, сколько в крайне болезненном для Болгарии македонском вопросе, особенно обострившемся с середины 90-х гг. XIX в. В представлениях болгарской общественности конца XIX - начала XX вв., зафиксированных в многочисленных воспоминаниях и исторических работах, данная политика „официальной России“ неизменно связывалась, во-первых, с крайне негативной реакцией Петербурга на революционное движение в Македонии, а во-вторых, с односторонней поддержкой в этом регионе сербской пропаганды. Так, например, крупнейший болгарский общественно-политический деятель Симеон Радев, выходец из западной Македонии, вспоминал, что любовь к России во времена его детства, т.е. в 80-е гг. XIX в. была подобна религиозному чувству, в ней видели покровительницу, от нее ожидали спасения. „Позже, - писал он, - когда русские консулы начали поддерживать сербскую пропаганду, когда русская политика способствовала рукоположению Фирмилиана в Скопье, когда стали доноситься слухи о том, что русский посланник в Константинополе советовал султану любыми средствами подавить революционное движение, в Македонии началось охлаждение любви к России“⁵. Эти горькие упреки в адрес русской дипломатии нашли место и в фундаментальном труде другого известного македонца Христо Силянова, ставшего в 30-х гг. XX в. главным официальным историографом болгарского национального движения в Македонии и Фракии. По мнению Силянова, несколько смягчившись после официального примирения Петербурга и Софии в 1896 г., русская политика в вилайетах до конца сохранила свою просербскую направленность, формально скрываемую под формой примирения и соглашения между двумя славянскими народами - сербами и болгарам⁶.

Следует признать, что подобные упреки в целом были не беспочвенными. П.Н. Милюков, например, вынес из своего пребывания на Балканах в 1897-1899 гг. возмущение „односторонним покровительством [Россией] Сербии в ущерб Болгарии“⁷. В Белграде в свою очередь, как отмечал в январе 1901 г. аккредитованный там русский военный атташе Е. А. Леонтович, так же „все, что приобретено сербским делом в Турции, приписывается исключительно влиянию и поддержке России“⁸. Хотелось бы пояснить в связи с этим, что ориентация России в конце XIX - начале XX вв. на Сербию и Черногорию, как на наиболее вероятных союзников в неизбежном, как представлялось в Петербурге, столкновении с Австро-Венгрией, имела преимущественно объективные причины и в целом соответствовала логике политики реальных интересов⁹. Тем не менее, данная ориентация отнюдь не должна была, по замыслу Петербурга,

особенно после восстановления русско-болгарских дипломатических отношений в 1896 г., соответствовать односторонней поддержке в Македонии сербской национальной пропаганды. Неоднократно повторяемая послам и консулам России на Балканах с середины 90-х гг. XIX в. инструкция, предписывающая „не допускать преимущественного покровительства вождениям одних [балканских народностей] против других“¹⁰, ясно свидетельствовала о стремлении Петербурга не оттолкнуть снова от себя болгар и в то же время не потерять влияние среди сербов. Секретная инструкция посла России в Константинополе А. И. Нелидова в 1897 г. прямо предписывала консулам в Македонии одинаково поддерживать и сербскую, и болгарскую пропаганду, а местному населению оказывать покровительство вне зависимости от того, приверженцем какой пропаганды оно является¹¹. Данная инструкция была практически невыполнима, если учесть взаимоисключающий характер болгарских и сербских претензий в Македонии. Она ставила русских консулов перед сложным выбором критериев законности „требований балканских народностей“, которые они должны были защищать, и в итоге открывала для них широкий простор для самостоятельной трактовки интересов России. Именно в этом, как нам представляется, следует искать причины несогласованности и противоречивости действий русских консулов. Так, например, если В. Ф. Машков в Скопье зарекомендовал себя явным агентом влияния Сербии, неизменно принимая сторону сербов или турок в разгоравшейся информационной войне вокруг македонских событий и выступая за усиление репрессий турецких властей против болгарских активистов¹², то А. А. Гирс в Салониках наоборот призывал оказать поддержку стремлениям болгар, как наиболее сильной народности на Балканском полуострове, напоминая, что в противном случае „мы можем потерять часть той почвы, которая необходима для властного и выгодного для нас решения судьбы края“¹³.

Это противоречие в деятельности русских дипломатов в Македонии было отмечено и Хр. Силяновым, который наряду с похвалой Гирса обрушивался с критикой на Машкова. По его словам, именно „Машковы понизили престиж... своей страны и взрастили недобрые чувства у македонских болгар к России“¹⁴. Он так же отмечал и тот факт, что Австро-Венгрия, которая была отнюдь не заинтересована в успехе болгарского национального движения в Македонии, тем не менее, проявляла немало гибкости в своей македонской политике: „Австрийские консулы больше принимали в расчет настроения и вождения местного болгарского населения и сумели завоевать его доверие“¹⁵. Все это наряду с агитацией революционных комитетов¹⁶ и валом критики в отношении политики официальной России в болгарской прессе приводило к тому, что Россия начинала восприниматься как отнюдь не единственная (как это было прежде) из великих держав, от которой может зависеть судьба Македонии. Так, например, один из руководителей македоно-одринского движения Тома Карайовов 5 июля 1903 г. (по н. ст.) в разговоре с австро-венгерским военным атташе бароном Гизлом, хотя и не оставлял надежд на помощь со стороны „родственной нам по крови России“, все же от имени ВМОРО и „всех болгарских македонцев“ призвал к установлению над Македонией австро-венгерского протектората, обещая даже решить

вопрос о массовом переходе македонских болгар в католичество¹⁷. Среди рядового населения прагматическое политизированное мышление так же постепенно вытесняло мифологизированное. Дипломатический представитель Австро-Венгрии в Софии И. Форгач в июле 1903 г. выражал уверенность в том, что „широкие слои македонского населения надеются на лучшее будущее лишь в результате вооруженного австрийского вмешательства и при этом указывают на беспристрастное, либеральное и справедливое управление в Боснии“¹⁸. В воспоминаниях, оставленных рядовыми бойцами и революционными активистами в Македонии, так же крайне трудно найти свидетельства их надежды исключительно или хотя бы преимущественно на Россию. Надежда на успех освободительной борьбы связывалась ими не столько с Россией, сколько с „европейской дипломатией“ или же с неким абстрактным „международным вмешательством“¹⁹. Цель вызвать вооруженное вмешательство „европейских держав“, впрочем, была зафиксирована и в официальных программных установках Ильинденско-Преображенского восстания²⁰, и в проповедях революционных руководителей²¹. Информация, таким образом, русских консулов о том, что в 1903 г. революционные агитаторы с целью привлечь якобы пассивное население к повстанческому движению использовали свой последний козырь - активно распространяли ложные слухи о том, что восстание будет организовано „по распоряжению из России“²², выглядит явно преувеличенной. Подобные донесения В. Ф. Машкова и А. А. Ростковского свидетельствуют лишь о том, что они сами не осознавали, насколько упало влияние России в Македонии.

Если часть македонского населения рассчитывала на австрийскую оккупацию как меньшее из зол, то в сознании многих других рядовых македонцев место далекой и почти сюрреальной для них России теперь занимала их собственная родина - Болгария. В этих условиях вера в освободительную миссию (или, другими словами, мессианское предназначение) России сохранялась лишь как анахронизм и была характерна в основном лишь для старшего поколения, хранившего воспоминания об эмоциональном подъеме времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг., или же для тех слоев болгарского населения Македонии, чей уровень социальной коммуникации оставался весьма низким. Так, например, русские путешественники, посетившие Македонию на рубеже XIX-XX вв., традиционный вопрос, „когда придет Россия, чтобы освободить нас“, встречали преимущественно в бедных районах с низкой социальной мобильностью населения или же в местах удаленных от центров распространения национального просвещения²³. Интересные сведения о прорусских настроениях крестьянского чифлигарского населения, считавшегося наиболее отсталым в хозяйственном и культурном развитии, находим в мемуарах демирхисарского воеводы Алексо Стефанова. Он описывал курьезный случай, когда чифлигары Битольского села Смирно, по всей видимости, оставшиеся в плену этнопсихологических стереотипов времен освободительной войны 1877-1878 гг., и даже не знавшие о существовании Внутренней революционной организации в Македонии, услышав о провозглашении Ильинденского восстания, приняли его за начало русско-турецкой войны и стали восклицать: „Ура! Да здравствует Россия!“²⁴

Примечательно также то, что в многочисленных воспоминаниях рядовых македонских болгар, скрупулезно собираемых в первой половине XX в. различными исследователями, и посвященных освободительной борьбе в Македонии и Фракии в конце XIX - начале XX вв., упоминаний о России содержится крайне мало. Часто эти упоминания касаются отношения отца к России. Например: „Папа... любил нам рассказывать что-нибудь хорошее об этой великой и сильной славянской стране, от которой ожидал освобождения Македонии“²⁵. Русский военный корреспондент Орловец, в качестве добровольца принявший участие в Ильинденском восстании и имевший возможность изучить настроения различных слоев македонского населения, „надежду на Россию“ нашел так же преимущественно лишь у старшего поколения. Он в частности описывал свою встречу в одном из сел с восьмидесятилетним стариком, сохранявшим веру в то, что освободительный поход русской армии 1877-1878 гг. будет продолжен в Македонии. Молодые четники пытались убедить старика в том, что русские уже не придут, но тот упрямо стоял на своем, твердя: „В прошлый раз они не дошли до нас, а теперь дойдут“. Самих же четников, судя по заметкам Орловца, больше интересовал вопрос о том, „скоро ли Германия и Австрия нам помогут“²⁶. Для Орловца такая эволюция в общественном сознании болгар была вполне объяснима. Он в частности ссылаясь на слова одного из членов ВМОРО, услышанные им в Софии: „Нам [македонцам] надо получить свободу, какой бы ценой она нам не далась. В Ветхом завете продавалось первенство за чечевичную похлебку, мы же отдаем наши симпатии за свободу. Мы видим, что... степень вмешательства России не приносит нам облегчения, и... охлаждаем к ней“²⁷. Причины этой эволюции прекрасно осознавали и многие другие представители русской общественности. Так, бывший длительное время корреспондентом „Славянских известий“ в Болгарии М. Юркевич отмечал в начале 1903 г., что простым болгарам трудно разобраться в мотивах русской политики в Македонии и в тонкостях русско-австрийского соглашения 1902 г., единственное, что они понимают, это то, что Россия отвернулась от них и поэтому все более устремляют свои взоры на Англию, Францию и Италию²⁸.

Однако помимо образа „официальной России“, который формировался российской дипломатией, в общественном сознании болгар сохранялся и другой образ дружественной и этнически родственной страны, который поддерживался деятельностью русских военных атташе в Софии и Константинополе, русских жандармских офицеров в Македонии и многих представителей русской общественности, сохранивших симпатии к Болгарии и болгарской освободительной борьбе в Македонии.

В частности, документы Военного министерства России свидетельствуют о том, что в 1902-1903 гг. оно, несмотря на занятость империи противостоянием с Японией, пыталось навязать политическому руководству страны более решительный курс по отношению к турецким владениям в Европе - тот курс, который явно противоречил официальным установкам Министерства иностранных дел, возглавляемого В. Н. Ламздорфом. Военные атташе в Софии и Константинополе, в отличие от дипломатических представителей России, не скрывали своего сочувствия маке-

доно-одринскому освободительному движению, считая виновными в эскалации напряженности в регионе исключительно турецкие власти²⁹. Военный атташе в Константинополе полковник Э. Х. Калнин в течение 1902-1903 гг. решительно выступал за ликвидацию османского господства в Македонии, указывая на безрезультатность всех бывших и будущих реформ в Европейской Турции³⁰. Причем подобная позиция встречала сочувствие и у начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В. В. Сахарова, и у самого военного министра А. Н. Куропаткина, в докладе которых Николаю II осенью 1902 г. даже проводились исторические параллели между Горноджумайским и Апрельским восстаниями³¹.

Несовпадение позиций МИД России и ее Военного министерства по македонскому вопросу на рубеже XIX - XX вв. не осталось незамеченным болгарской общественностью и порождало надежды на возвращение России к своей традиционной политике на Балканах. Во всяком случае, македоно-одринские деятели испытывали намного больше симпатий к представителям Военного ведомства России, нежели к ее дипломатическим представителям. Так, Р. Славейков, в своих воспоминаниях считавшим важным подчеркнуть, что военный атташе в Софии Протопопов, с которым он сотрудничал в 1902-1905 гг., был прямой противоположностью дипломатических представителей России, „трусливо избегавших“, по его мнению, „болгарского демократизма“. В представлении Славейкова, Протопопов был „истинным русским, со свойственным русским сердечностью и гостеприимством“, в лице которого „мы имели искреннего друга, делавшего все для того, чтобы в Петербурге поняли жизненные интересы нашего народа в македонском вопросе“³².

Особое отношение к русским почувствовали на себе и добровольцы из России, принявшие участие в повстанческих действиях в Македонии в 1903 г., в том числе и в Ильинденско-Преображенском восстании. Добровольцы смогли воочию убедиться, что восторжествовавший прагматизм в общественном сознании болгар ничуть не заслонил их признательность и интерес к вчерашним освободителям. Как в болгарских, так и в их собственных воспоминаниях сохранились описания восторженных приемов, которые им устраивали местное население и простые четники. П. Орловец, в частности, вспоминал эпизод его знакомства с македонскими четниками на пограничном сборном пункте. Оказалось, что те самые четники, которых вряд ли можно было заподозрить в симпатиях к официальной России, тормозившей, по мнению многих из них, развитие освободительного движения в Македонии и Фракии, не могли скрыть своих искренних теплых чувств к представителю русского народа, симпатии к которому у болгар сохранялись на подсознательном уровне. „Узнав, что я - русский, - писал Орловец, - четники и остальные пришли в восторг. Они просто не знали, чем и как выразить мне свои симпатии. Один подносил мне вино, другой - папиросу, третий высказывал свои симпатии в простых безыскусственных фразах. Эти люди не фальшивили и их искренние симпатии были мне во сто раз приятнее изысканных любезностей наших салонов“³³.

Другой русский военный корреспондент и доброволец Борис Тагеев, побывавший в Болгарии и Македонии в 1903 г., пришел к выводу, что „нет русофобов среди болгар, каждый заядлый стамбуловец в душе русо-

фил, он только враг нашей современной иностранной (внешней - Д.Л.) политики“, а „русский человек одинаково близок и цанковисту, и стамбуловцу, и народнику“³⁴. Тагееву казалось нелепым распространенное в то время в России обвинение болгар в неблагодарности к своим освободителям. Он в частности соглашался с одним из своих собеседников, полковником болгарской армии, просто и ясно заявившим по этому поводу: „Но не могли же наши правители, ради этой платонической любви (к России - Д.Л.), жертвовать интересами своего отечества“³⁵. Этот выбор между чувствами и реальными интересами, между признательностью и прагматизмом вставал не только перед Болгарией, но и перед другими молодыми Балканскими государствами, обязанными своим освобождением России. Он был не простым, но совершался неизбежно в пользу интересов. Такова была логика процессов строительства национальных государств на Балканах. Признательность и особые отношения, тем не менее, сохранялись, но теперь уже главным образом на уровне общественных связей.

1. Макарова И.Ф. *Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XIX в. - 1875 г.) // Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. - 1878).* М., 1995. С. 159.
2. Цанков А. *България в бурно време. Спомени.* София, 1999. С. 43.
3. ЦДИА, ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 38-39. Божан Димитр Проданов - В разговор с Гоце Делчев.
4. Яворов П. *Гоце Делчев.* София, 1904. С. 13-14.
5. Радев С. *Ранни спомени.* София, 1994.
6. Силянов Х. *Освободителните борби на Македония. Том I. Илинденското въстание.* София, 1933. С. 20.
7. Милуков П.Н. *Воспоминания (1859-1917).* Т. 1. М., 1990. С. 191.
8. Сергеев Е.Ю., Улуныян А.А. *Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900-1914.* М., 1999. С. 115.
9. Данная мысль неоднократно повторялась в документах как МИД России, так и ее Военного министерства (См.: РГВИА. Ф. 2000 - Главное управление генерального штаба. Оп. 1. Д. 814. Л. 92), находя поддержку на самом высоком уровне. Одним из первых таких документов стала детальная программа русской политики в отношении Сербии, подготовленная 11 июля 1895 г. российским посланником в Белграде Р.Р. Розеном и полностью одобренная министром иностранных дел и императором Николаем II. В ней Розен указывал: „Обращаясь к области предположений о возможных в будущем событиях и политических комбинациях, мы можем желать, чтобы здесь образовалась и росла сила, которая в случае вооруженного столкновения славянского мира с германским, могла бы служить России если не точкой опоры, то, по крайней мере, полезной диверсией в тылу Австро-Венгрии. Наконец, если позволительно заглядывать еще далее в будущее, мы могли бы желать, чтобы Сербское королевство со временем сделалось центром, около которого сгруппировались бы все разрозненные части сербского племени“. Данченко С.И. *Развитие сербской государственности и Россия (1878-1903 гг.).* М., 1996. С. 317.
10. Из инструкции послу России в Болгарии Ю.П. Бахметьеву от 26 апреля 1897 г. Цит. по: Мартыненко А.К. *Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг.* Киев, 1967. С. 200.
11. Бурбига В.А. *Македонският въпрос в кореспонденцията на руската дипломация, 1893-1908 г. (по материали на консулствата в Солун и Битоля) // Македонски преглед, 1996, № 1.* С. 70-71.
12. *Руски документи за Македонија и македонското прашање (1859-1918) /* Рег. А. Трајановски. Скопје, 2004. С. 161-162, 168-172, 177-181, 245-246.
13. Бурбига В.А. *Указ. соч.* С. 76, 74.

14. Силянов Х. Указ. соч. С. 21.
15. Там же.
16. Агитация часто велась в доступной для простого населения форме и быстро усваивалась. Так, Пейо Яворов вспоминал, как он и его компаньон в 1903 г. использовали празднование пасхи для революционной проповеди, в которой напоминали македонским крестьянам о современных „книжниках и фарисеях в Берлине, Вене и Петербурге“. Интересна реакция на эти слова местного сельского священника. „Этот Петер... Петер...бург - не Русское ли царство?“ - в недоумении произнес он. Однако затем попросил прощения у молодых революционеров, сославшись на свою непросвещенность, и добавил при этом: „[Ничего], и без России все получится. Стольких аскеров сейчас имеем в Болгарии (т.е. болгарскую армию - Д.Л.), да и здесь у нас... (т.е. повстанцев и четников - Д.Л.)...“. См.: Яворов П. Хайдушки копнения. София, 1909. Так революционная агитация размывала традиционные этнопсихологические стереотипы болгаро-македонского населения.
17. Документи од Виенската архива за Македонија од 1879-1903 / ред. Т. Томоски. Скопје, 1955. С. 129-130.
18. Извештаи од 1903-1904 година на австриските претставници во Македонија / Ред. Д. Зографски. Скопје, 1955. С. 41.
19. Наиболее часто в этих воспоминаниях встречаются высказывания следующего рода: „Мы... жили с надеждой на вмешательство европейской дипломатии и считали, по меньшей мере, гарантированным то, что нам предоставят автономию“, - безо всякого упоминания при этом о России в отдельности. Цит. по воспоминаниям Милана Матова: Дневници и спомени за Илинденско-Преображенското въстание. София, 1984. С. 233.
20. См.: Билярски Ц. Проектопланът на Илинденско-Преображенското въстание // Военноисторически сборник, 1992. № 4. С. 195-204; Билярски Ц. Планът на Илинденско-Преображенското въстание 1903 година // Военноисторически сборник, 1987. № 6. С. 213-222.
21. В частности, греческие источники сообщали в марте 1903 г. о проповедях самого Г. Делчева перед населением в пользу восстания, после которого, по его словам, „великие державы оккупируют страну, и мы сможем жить счастливой жизнью“. Гоце Делчев. Спомени. Документи. Материали. София, 1978. С. 391.
22. Руски документи за Македонија... С. 245, 248.
23. Сиротинин А. Рецензия. Вещий Олег. Болгария и Македония // Исторический вестник, 1903, № 3. С. 1083; Германов С. Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско (1893-1908). София, 1992. С. 55.
24. Материали за историята на македонското освободително движение, кн. XI. Революционната дейност в Демирхисар (Битолско). По спомени на Алексо Стефанов (демирхисарски войвода). Съобщава Боян Мирчев. София, 1931. С. 16.
25. ЦДИА, ф. 933, оп. 1, а.е. 95. Л. 187. Ефросина Николова - Моите спомени за Илинден.
26. Орловец П. В Македонию // Санкт-Петербургские ведомости, № 265, 28 сентября (11 октября) 1903 г. С. 2.
27. Орловец П. В Македонию // Санкт-Петербургские ведомости, № 244, 7 (20) сентября 1903 г. С. 2.
28. Германов С. Указ. соч. С. 138.
29. См. рапорт от 17 ноября 1902 г. военного агента в Константинополе полковника Э.Х. Калнина. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 79. Эта позиция принципиально отличалась от позиции МИД России, традиционно возлагавшего вину за усложнение положения в Македонии не только на турецкие власти, но не в малой степени и на „македонские комитеты, которые, не достигая патриотической цели, которую они провозглашают, только отвлекают жителей этого края от их мирных занятий и подвергают их всем прискорбным последствиям пагубных воздействий“. См. официальное коммюнике МИД России от 30 ноября 1902 г.: *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie*. 1903. P. 192.
30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 294. Л. 20 об. - „Отчет о деятельности военных агентов в государствах Балканского полуострова за 1903 г.“
31. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 9. - „Положение дел в Македонии по сведениям к 13 ноября 1902 г.“

32 Из дейността на руските жандармерийски офицери в Македония през 1904 г. Съобщава Р. Славейков // Македонски преглед, год V. 1929. Кн. 1. С. 71, 73.

33 Орловец П. В Македонию // Санкт-Петербургские ведомости, № 249, 12 (25) сентября 1903 г. С. 2.

34 Тагеев Б. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник, 1903, № 12. С. 788.

35 Там же. С. 780.

†